

Черногория в донесениях российского посланника в Цетине С.В. Арсеньева (1910–1912 гг.)

Данная коллективная монография недаром посвящена памяти выдающегося историка Ирины Степановны Достян. Она оставила значительный след в отечественном славяноведении и балканистике и в целом в исторической науке второй половины XX — начала XXI вв. Ее труды, всегда высококачественные, взвешенные, введившие в научный оборот новые источники и раскрывающие многослойную балканскую проблематику, всегда служили мерилom академического уровня исследований, использовались иностранными и отечественными специалистами по истории Балкан XVII–XIX вв. и до сих пор являются обязательной научной литературой для подготовки будущих специалистов в ВУЗах. Диапазон научно-исследовательской сферы историка Достян составлял три века — XVII, XVIII и XIX века и охватывал балканские страны, их взаимоотношения, социально-экономическое развитие, русско-балканские отношения в целом и более углубленно — русско-сербские связи. И.С. Достян более 60-ти лет своей жизни посвятила научной деятельности, в результате чего появились на свет три индивидуальные монографии, входящие в списки фундаментальных, основополагающих трудов отечественной балканистики («Борьба сербского народа против турецкого ига XV — начало XIX в.», «Россия и балканский вопрос: из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.», «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов»)¹, десятки разделов в обобщающих трудах, многочисленные научные статьи. Заслуги И.С. Достян и достижения ее научной деятельности были удосто-

ены высокой оценки², а в 2010 г. Институт славяноведения РАН выпустил в честь Ирины Степановны специальный юбилейный сборник (к 90-летию со дня ее рождения), посвященный ее научному творчеству и тематике ее исследований³.

Следует отметить, что И.С. Достян во всех своих работах широко использовала такой важный и информативный вид архивных источников как документы российских дипломатов и посланников на Балканах. Донесения дипломатических сотрудников императорских миссий и посольств являются весьма ценными материалами для написания специальных научных трудов. Эта традиция, заложенная отечественными славистами и балканистами еще в советскую эпоху, сохраняется и развивается представителями современных поколений ученых. Для данного раздела нами были привлечены документы сотрудника МИД С.В. Арсеньева, исполнявшего в 1910–1912 гг. обязанности посланника Российской империи в Черногории.

Сергей Васильевич Арсеньев родился в Москве 1 апреля 1854 г. в дворянской семье. Его отец, действительный статский советник Василий Сергеевич Арсеньев (1829–1915), был представителем древнего знатного рода Арсеньевых⁴, как и мать — княжна Наталия Юрьевна Долгорукая (1830–1902). Сергей Арсеньев прошел обучение в 1-й московской гимназии (1872 г.), московском Императорском Лицее в память цесаревича Николая (1874 г.), где также окончил университетский курс и получил степень кандидата прав в 1877 г., после чего поступил на службу в лейб-гвардию Преображенского полка. Следующим этапом его образования стал Санкт-Петербургский археологический институт*, который Арсеньев окончил в 1880 г. с серебряной

---

* Императорский Санкт-Петербургский Археологический институт был открыт в 1877 г. известным русским юристом, историком, архивистом, профессором истории русского права, членом Санкт-Петербургской академии наук Н.В. Калачовым (1819–1885), который и стал его первым директором. Это научное и учебное заведение принимало к поступлению людей с высшим образованием и обучало их по профессиям археологов и архивистов, срок обучения составлял два года. Институт просуществовал до 1922 г., после чего был преобразован в Отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук Петроградского университета.

медалью. В 1882 г. Сергей Васильевич стал одним из членов-учредителей Императорского православного палестинского общества; в 1892 г. он был избран его почетным членом. Длительная дипломатическая карьера С.В. Арсеньева началась в 1880 г. с назначения его первым секретарем генерального консульства в Восточной Румелии; через год он стал там же поверенным в делах. В 1882 г. Арсеньев был переведен в Болгарию, сначала на должность первого секретаря дипломатического агентства, а через несколько месяцев был назначен поверенным в делах в Болгарии. В 1883 г. дипломата отправили в Берлин на пост второго секретаря российского посольства (до 1886 г.), после чего перевели в Швецию, где он занимал пост первого секретаря миссии в 1886–1891 гг. и там же поверенного в делах с 1888 по 1891 гг. В 1891–1897 гг. Сергей Васильевич являлся генеральным консулом в Иерусалиме, а в 1897–1900 гг. — генеральным консулом в Стокгольме. После этого дипломат 10 лет занимал пост министра-резидента в Великом герцогстве Ольденбурге. И, наконец, в 1910 г. он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Черногории сроком на два года. Затем, в 1912–1914 гг., эту же должность Арсеньев занимал в Норвегии⁵.

Из всех стран, в которых по долгу службы пришлось побывать С.В. Арсеньеву, Черногория выделялась своей неординарностью, которая складывалась из уникального патриархального уклада жизни народа, колоритности и темпераментности хитрого правителя Николы Петровича, бурлящей и порой запутанной политической ситуации. Все эти факторы заставляли дипломата глубоко вникать в политическую, социальную и культурную жизнь небольшой славянской страны и досконально изучать все тонкости устройства черногорского государства. Это оставило свой отпечаток и впоследствии даже повлияло на его будущее — с началом Февральской революции в России дипломатическая карьера Сергея Васильевича окончилась, и в ноябре 1919 г. он устроился на должность помощника заведующего отделом славяноведения в Румянцевский музей в Москве⁶, где и проработал вплоть до своей смерти в 1922 г.

Годы работы дипломата в Черногории совпали с важными событиями — из княжества эта страна превратилась в королевство; черногорский правитель Никола Петрович пытался присоединить к своей стране некоторые турецкие территории с албанским населением, близким по менталитету черногорцам; заключение разработанной российским МИД военной конвенции между Петербургом и Цетине для регулирования действий черногорской стороны и контроля за использованием русских денежных субсидий в пользу Черногории; начало Первой Балканской войны.

Документы этого непростого и очень интересного периода истории Черногории и русско-черногорских отношений, свидетелем и участником которых являлся русский дипломат Сергей Васильевич Арсеньев, сохранились в его личном фонде в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ)⁷. Хочется отметить, что эти материалы пронизаны особым духом интеллигентности уходящей аристократии XIX века. Если сравнить их с донесениями русского военного агента в Черногории Н. М. Потапова, чей язык довольно скуп и резок, что, возможно, свойственно военному человеку, то у Арсеньева заметны иное изложение ситуации, более мягкие выражения, витиеватые «французские» фразы, много дополнительных подробностей и мелочей в описании одних и тех же событий.

31 декабря 1909 г. (13 января 1910 г.) С. В. Арсеньев был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Черногории. 10 (23) марта он был принят императором Николаем II и в апреле выехал из Петербурга к месту своего назначения⁸. Прибыл дипломат в Цетине 21 мая (3 июня) 1910 г., когда поддерживаемое черногорской правящей верхушкой албанское восстание* было в самом разгаре⁹, и ему пришлось быстро

---

* Албанские восстания начала XX в. были результатом возникшего в 40-е годы XIX в. Албанского Возрождения, когда албанским деятелем Наумом Векилхарджи было издано первое обращение к православным албанцам о необходимости создания албанских школ и развития албанского языка. В то время албанцы, разделенные

вникать в курс дела. Коллега Арсеньева русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов внимательно отслеживал действия черногорцев и регулярно информировал МИД России о ситуации. Он сообщал, что уже больше года из Цетине албанцам внушается мысль «отдачи себя под власть Черногории» с сохранением для них всех прерогатив, которыми они пользовались доньше; в случае решения Порты подчинить себе албанцев, Цетине в удобный момент даст им знать, когда «объявить себя под защитой Черногории», и «окажет им вооруженную поддержку»; «если же Турция будет действовать нерешительно, то Черногория будет до удобного времени поддерживать восставших тайно оружием и деньгами»¹⁰. Таков был политический план черногорцев.

Для того, чтобы удержать Черногорию от активных акций в албанском вопросе [ситуация могла вылиться в военный конфликт Черногории и Турции, считавшей албанцев своими подданными; Россия не смогла бы остаться в стороне, а заинтересованность Австро-Венгрии и Италии в турецких (албанских) территориях была очевидна, и это тоже могло вылиться в военные акции¹¹], императорское правительство решило ускорить заключение с Княжеством военного договора, который бы связал Черногории руки¹². Разработкой военного соглашения россий-

---

на племена и кланы, имевшие разную религиозную принадлежность, воспринимали себя частью Турецкой империи и не выдвигали требований о создании собственного государства. К началу XX в. албанский народ вступил в фазу активной борьбы за свое национальное государство: с мая 1909 г. и до начала Первой Балканской войны в октябре 1912 г. албанцы неоднократно поднимали восстания против турецких властей. Главными причинами недовольств были не оправдавшая ожидания албанцев новая турецкая конституция, которая по сути имела целью насильственную «турофикацию» Империи, а не обеспечение местных свобод в различных османских владениях; запрет всем не военным лицам на ношение оружия; новые налоги; требования турецких властей закрыть недавно созданные национальные албанские школы и учить писать детей на албанском языке арабскими, а не латинскими буквами, как было принято на нескольких конгрессах албанских националистов. (Национально-освободительное движение албанцев наиболее ярко освещено отечественными специалистами Г.Л. Аршем, И.Г. Сенкевич, Н.Д. Смирновой, Ю.В. Ивановой и П.А. Искендеровым. См.: *Сенкевич И.Г. Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959; Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965; Краткая история Албании. М., 1992; Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003; Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М., 2006; она же. Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX — начале XX века: принципы Национального Возрождения и традиционное общественное мышление // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006; *Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013).**

ский МИД занимался летом 1910 г.¹³, одновременно с подготовкой к провозглашению Черногории Королевством.

1910-й, первый год службы Арсеньева в Черногории, стал важной вехой в ее истории. Именно тогда Княжество превратилось в Королевство. На торжества, связанные с этим знаменательным событием, в августе в Цетине по приглашению прибыли многочисленные именитые гости, главы государств или их представители. От России это были великие князья Николай Николаевич (1856–1929) и Петр Николаевич (1864–1931) Романовы.

Петр и Николай Николаевичи были внуками императора Николая I (1796–1855), племянниками Александра II (1818–1881), кузенами Александра III (1845–1894) и двоюродными дядями Николая II (1868–1918). Родились они в семье участника Крымской компании 1853–1856 гг. и впоследствии главнокомандующего российскими войсками в последней русско-турецкой войне 1877–1878 гг., великого князя Николая Николаевича (1831–1891) и великой княгини Александры Петровны (1838–1900), в последние годы своей жизни принявшей монашеский постриг и основавшей в Киеве Покровский монастырь.

Великий князь Николай Николаевич-младший — яркий, энергичный, решительный, боевой — сделал удачную военную карьеру, апогеем которой было принятие им поста верховного главнокомандующего российской армией в годы Первой мировой войны¹⁴. Его младший брат Петр Николаевич не был столь яркой личностью. Он не добился особых успехов в армии, как из-за слабого здоровья, так и вследствие того, что его больше интересовала архитектура¹⁵. Петр Николаевич занимался инженерным делом и в годы Первой мировой войны состоял в русской армии в должности генерал-инспектора инженерных войск. Женами родных братьев Николая и Петра Николаевичей были родные сестры Милица (1866–1951) и Анастасия (Стана) Николаевны (1868–1935), дочери черногорского правителя Николы Петровича-Негоша (1841–1921), выпускницы Смольного института благородных девиц¹⁶.

В августе 1910 г. обе семьи отправились с визитом в Черногорию, чтобы поздравить своего тестя и отца с принятием королевского титула.

Великокняжеская чета Петра и Милицы прибыла в столицу Черногории заранее и, можно сказать, неофициально, так как на Петре Николаевиче, в отличие от его старшего брата, не лежало ответственности представлять российского императора.

На 15 августа назначались торжества по случаю 50-летия правления Николы Петровича и провозглашения по этому случаю Черногории королевством. В числе гостей также были: итальянский король Виктор-Эммануил III и его супруга Елена, еще одна дочь Николы Петровича; сербский престолонаследник Александр Карагеоргиевич, внук черногорского правителя; болгарский король Фердинанд; греческий королевич Константин, прибывший во главе эскадры из четырех вымпелов в Антивари чуть позднее, 18 августа¹⁷.

По случаю провозглашения Черногории королевством Николай II удостоил новоиспеченного короля особой чести, назначив его фельдмаршалом российской армии. Однако поздравительная телеграмма и приказ о назначении задержались в пути и не успели к началу торжеств. Так как о назначении было уже известно великому князю Петру Николаевичу, то он настоял на том, чтобы российский посланник в Цетине С.В. Арсеньев оповестил Николу Петровича о высочайшей поздравительной телеграмме и пожаловании высокого звания, что им и было исполнено. 16 августа на семейном завтраке в королевском дворце, куда вместе с великокняжескими семьями был приглашен и Сергей Васильевич, российский посланник доложил королю о высокой чести, оказанной ему Николаем II. Как позднее докладывал в МИД Арсеньев, Никола был заметно взволнован — прослезился, обнял российского представителя и сказал, что «никакое известие не могло бы его так глубоко обрадовать и что преданность его и черногорского народа его императорскому величеству безгранична»¹⁸. Поздравительная телеграмма была получена на следующий день, 17 августа, и зачитана королем вслух перед народом во время торжественного парада войск. «Восторг войск и народа при этой вести не поддается описанию»¹⁹, — сообщил российский посланник в Петербург. В тот же день была отпразднована «золотая свадьба» (50 лет брака) короля Николы и его супруги королевы Милены.

Для вручения фельдмаршальского жезла от имени императора и как его официальный представитель в Черногорию отправился великий князь Николай Николаевич с семейством.

Прибыв в порт Антивари 19 августа во главе русской эскадры с супругой и ее детьми (князем Сергеем Георгиевичем и Еленой Георгиевной Романовскими — детьми великой княгини Станы от первого брака), Николай Николаевич был встречен черногорцами с невероятным энтузиазмом, а его «путь от Антивари до Цетинья был как бы триумфальным шествием», не умолкали крики: «Живιο русский царь, живιο Россия»²⁰. 21 августа в присутствии всего дипломатического корпуса, десанта с русской эскадры и черногорских войск, Николай Николаевич торжественно вручил черногорскому королю фельдмаршальский жезл²¹.

На следующий день в честь великого князя был устроен званый обед, на котором, помимо великокняжеских семейств, присутствовали принц Франц-Иосиф Баттенбергский с супругой, личный состав императорской миссии и начальник русской эскадры контр-адмирал Мальцев с командирами судов²².

Цетинские торжества, приезд великого князя Николая Николаевича в качестве представителя российского императора, вызванный этим невероятный энтузиазм черногорцев и вручение королю Николе фельдмаршальского жезла — обо всем этом подробно сообщал С.В. Арсеньев в своих донесениях²³.

26 августа состоялся отъезд августейших высочеств из Цетинье в Антивари на эскадру. Российский посланник докладывал в МИД, что для короля Николы и его семьи был дан торжественный завтрак на броненосце «Цесаревич». Затем эскадра снялась с якоря и взяла курс на Фиуме, откуда великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей инкогнито направились в Вену²⁴.

Пышные торжества опустошили черногорскую казну, которая пополнялась в основном за счет русских субсидий. Их сумма постоянно росла и с 82 тыс. руб. в 1904 г. увеличилась до 330 тыс. руб. в 1908 г., а к началу Первой мировой войны была близка к миллиону рублей (без учета дополнительных ассигнований)²⁵.

В обязанности С.В. Арсеньева и русского военного агента в Черногории Н.М. Потапова входил не только контроль за расходованием субсидий, посылаемых в Черногорию, но и корректировка внешнеполитического курса Королевства. Как выяснилось, эти два направления деятельности дипломатов были связаны друг с другом.

До Арсеньева и Потапова дошли сведения о тайных контактах черногорского правительства с албанскими вожаками, организованных военным министром Черногории М. Мартиновичем. «К нему господарь* направляет всех албанцев, ищущих у его королевского высочества аудиенции, — писал Потапов. — У военного министра на квартире происходили время от времени и тайные совещания с влиятельными арнаутами**». Приглашенных одаривали деньгами и оружием, пытаясь сделать из них доверенных агентов по пропаганде идеи добровольного присоединения Северо-Западной Албании к Черногории. Главными помощниками генерал-адъютанта М. Мартиновича по связям с нужными лицами в Албании служили, по данным Потапова, скутарийский паша Ибрагим-бей-Соколович, получавший от черногорского правительства ежегодную субсидию в размере 3.000 крон, и его сын — с субсидией в 900 крон ежегодно; в племени Кастрати — Мираш Люца, сын которого числился черногорским унтер-офицером и был в то время воспитанником Цетинского военного училища; в племени Груда — Сокол Баца, живший в Подгорице; в племени Шаля — Люляш Паля и др. Все эти лица получали денежные пособия — как в целях пропаганды, так и на личные расходы²⁶.

Позднее в Генеральном штабе Российской империи стало известно и об агентах-черногорцах, которые засылались в албанские земли для проведения агитации среди местного населения в пользу присоединения этих территорий к Черногории.

Такого рода контакты с албанцами поддерживались еще со времен владыки Петра II Негоша (1830–1851 гг.). Черногор-

* Так черногорцы по традиции обращались к своему правителю.

** Арнауты — турецкое название албанцев, хотя изначально арнаутами называли православных албанцев, смешанных с греческим населением и говорящих на греческом языке.

ский историк Никола П. Шкеревич указывает на существование связи черногорцев с некоторыми албанскими племенами [католические племена Груна (Груды), Хота (Хоти), Клементи и особенно племена Малисоров]. Никола продолжал политическую линию Петра II Негоша и укреплял эти контакты. Так, албанские дети зачастую обучались в черногорских школах и военных учреждениях²⁷. Уже к 1900 г. на территории Албании и Старой Сербии функционировало 11 школ, на содержание которых отпускались средства из черногорской казны (3,5 тыс. гульденов в год)²⁸.

Такого рода деятельность черногорской элиты была направлена, с одной стороны, против «отуречивания» албанцев-мусульман, для которых преподавание в мусульманских религиозных школах велось на турецком языке, и, с другой, — против более слабых попыток Константинопольской патриархии «эллинизировать» православных албанцев²⁹. С черногорской стороны эти действия были также попытками противостоять итальянскому и австрийскому «усилению» в Албании. Соперничество Италии и Австро-Венгрии за влияние в Албании выражалось как в стремлении к заключению контрактов на пароходство, торговлю в ее приморской зоне, так и в открытии школ, содержавшихся на итальянские и австрийские средства³⁰.

Однако планы черногорцев по присоединению Северо-Западной Албании были весьма наивными — в Черногории считалось, что албанцев должна привлечь схожесть жизни и обычаев двух народов. Такие особенности черногорского государственного устройства как племенное деление и быт, отсутствие больших податей и необходимости поставлять солдат для постоянной армии, разрешение всем гражданам хранить оружие у себя дома, безопасность внутри страны, близость правителя к народу (непосредственное участие князя Николы в решении различных вопросов внутренней жизни Княжества, публичные лекции для народа и традиционные беседы с простыми черногорцами у стен дворца³¹) — всё это действительно привлекало албанцев и было им весьма близко. Немаловажное значение имели и кровнородственные связи нескольких черногорских братств Риечской и Црмничской нахий с албанцами, а также наличие многочисленного

сербского населения в пределах Печской (Ипекской), Дьяковской и Призренской нахий — на их «расположение» и рассчитывали черногорские власти. Духовенство вышперечисленных областей, по сведениям Потапова, также получало денежные субсидии, ордена и подарки из Цетиня³². И, несмотря на то, что наиболее сильные из албанских племен — Люма, Пука, Мати и особенно Мирдита — были настроены против Княжества, черногорские власти всё же продолжали вести агитационную деятельность.

Осенью 1910 г. черногорско-турецкие отношения обострились из-за потока беженцев из пограничных турецких областей в Черногорию. Причиной было издание Портой Закона об обязательной воинской повинности для всех османских подданных без различия вероисповеданий. Это вызвало недовольство албанских племен, в результате чего началось массовое бегство молодых призывников-христиан на территорию Королевства. Как докладывал в МИД Арсеньев, перестрелки на черногорско-турецкой границе происходили примерно раз в неделю³³. К началу октября османские власти опубликовали прокламацию к албанцам-беженцам с призывом о возвращении в пределы Турции³⁴.

Россия настоятельно рекомендовала Черногории содействовать урегулированию конфликта. Поэтому король Никола отправил для переговоров с турками начальника цетинской дивизии генерал-майора Вукотича, с тем, чтобы заручиться обещанием турецких властей даровать амнистию беженцам в случае их возвращения в пределы Османской империи.

Тем временем приток беженцев продолжался. Черногорский король всё больше опасался, что их содержание ляжет тяжелым бременем на черногорскую казну³⁵, и стал искать альтернативные источники денег. Уже к началу октября 1910 г. в Цетине был образован комитет для сбора пожертвований в пользу беженцев, который обнародовал в местных газетах воззвание к черногорцам помнить о «святом завете Петра Негоша отворить врата свободы для всех ищущих ее», — докладывал в Петербург Арсеньев³⁶. Комитет призывал оказать помощь и поддержку беженцам — кто чем может. Это воззвание вызвало, по словам дипломата, «са-

мый отзывчивый отклик в самых широких слоях черногорского народа». Вскоре были открыты подкомитеты в разных городах Черногории. Во главе Центрального комитета в Цетине встал бывший военный министр воевода Пламенац, а в числе наиболее деятельных его членов был бывший министр иностранных дел Черногории Гавро Вукович³⁷.

Чтобы избежать обвинения черногорских властей в замалчивании, тайном укрытии беженцев, а также пересудов и недопонимания со стороны иностранных представителей в Цетине, министр иностранных дел Черногории Томанович разослал в иностранные миссии оповещение о прибытии албанских беженцев на территорию Королевства в основном из двух турецких вилайетов — Скутарийского и Косовского³⁸.

9 октября 1910 г. С.В. Арсеньев докладывал министру иностранных дел С.Д. Сазонову секретные сведения о положении дел в Скутарийском вилайете: «..можно ожидать новых волнений, т.к. католические албанцы положительно не считают возможным служить в турецких войсках. В городе Скутари распространился слух, что байрактар* Кастратского племени, подняв на своем доме в селе Кастраты красно-сине-белый (черногорский) флаг, сам ушел в Черногорию. Стремление перехода границы наблюдается в направлении от селения Тузы на юг, и в настоящее время замечается уже в селении Риолы. В Скутари и окрестностях глухое брожение. Главная причина переселения — налог на овец и нежелание нести воинскую повинность. Привлекает к переселению также упорно распространяемый слух, что в Черногории беженцам дают оружие и по кроне в день»³⁹. Более того, в Подгорице поговаривали, что оружие придет из России — такие сведения Арсеньев получил от турецкого консула в Подгорице через посланника в Цетине, слух — «будто бы из России ожидается присылка 25.000 ружей для раздачи албанцам и что русские добровольцы вскоре придут в Черногорию»⁴⁰.

* Байрактар — начальник байраков (турецк. — знамя), территориальных единиц. Байрактары были представителями турецкой власти в горах, занимались, в частности, вербовкой наемников в турецкую армию. Должность байрактара в XVII в. стала наследственной. Впоследствии байрактары стали проявлять большую самостоятельность, а в начале XX в. даже участвовать в борьбе против турок. (см. подробнее: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 41).

Арсеньев также узнал, что албанский предводитель Исса Болатинац (или Болетин) скрывается в Цетине под охраной, «т.к. его голова оценена турками в две тысячи турецких лир»⁴¹.

Турецкие власти пытались препятствовать албанской эмиграции, преследуя беженцев вплоть до черногорской границы, вследствие чего снова происходили перестрелки, о чем Арсеньев докладывал 12 октября 1910 г.⁴². По его же рекомендации турецкий посланник в Цетине Садреддин-бей ходатайствовал перед Портой о предоставлении беженцам полной амнистии и об ускорении ее обнародования, а также о создании комиссии для установления правил перехода границы для жителей обеих стран, чтобы избежать пограничных перестрелок и урегулировать ситуацию в скорейшее время.

Официальные действия Черногории выглядели вполне миролюбиво — Никола вел успешные переговоры с Садреддин-беем относительно предоставления полной амнистии албанским беженцам, после чего турки немедленно приостановили сожжение их жилищ (на тот момент было сожжено лишь 30 домов)⁴³. Однако тайная политика черногорского правителя в любой момент могла раскрыться. Черногорская казна после организации юбилейных торжеств была пуста, черногорской верхушке было необходимо срочно получить из любого источника деньги, которые использовались для тайной поддержки албанских повстанцев. Еще в сентябре 1910 г. сын короля Николы Данило просил Арсеньева через Йована Поповича (черногорского поверенного в делах в Константинополе, находившегося в то время в отпуске в Цетине) связаться с Петербургом по вопросу о высылке ему 10.000 руб. из дарованной королевичу русской ежегодной субсидии *авансом*, в счет 1911 г. Арсеньев объяснил Й. Поповичу, что на это потребуется личное повеление императора. Узнав о сложностях в получении денег и, вероятно, опасаясь огласки, к русскому посланнику обратился сам Никола, заявив, что эту просьбу королевича не стоит выполнять⁴⁴.

Тогда черногорские власти ринулись в срочном порядке заключать торговый союз с Австро-Венгрией, готовые на любые уступки. Об этой «загадочной податливости черногорского правительства» Арсеньеву в конце октября 1910 г. рассказал итальянский посланник в Черногории барон Сквити⁴⁵.

19 октября 1910 г. Порта объявила полную амнистию бежавшим албанцам. Садреддин-бей просил черногорского министра иностранных дел Томановича сообщить об этом своему правительству. В свою очередь русский посланник просил короля без промедления опубликовать текст амнистии в черногорских газетах. После долгих уговоров Никола всё же с этим согласился⁴⁶, хотя, по точному замечанию барона Сквити, «обнародование амнистии турецким правительством албанским беженцам не входило в расчеты черногорского правительства», желавшего присоединить к Черногории Северную Албанию, вследствие чего «черногорские агенты подбивали албанцев к переселению в Черногорию»⁴⁷.

Осведомившись у Томановича о результатах оповещения албанских беженцев, Арсеньев узнал, что те отказались покидать Черногорию. Такой поворот событий вынудил российского дипломата пригрозить королю приостановкой денежной субсидии. Это возымело действие, и Никола пообещал лично убедить вождей албанских беженцев возвратиться на родину, что и было сделано в присутствии Арсеньева в начале ноября. И вскоре он уже мог сообщить в Петербург о том, что 12 ноября 1910 г. албанцы «массою покинули черногорскую территорию. На границе их встретил скутарийский генерал-губернатор Бедри-паша для водворения их на прежнее место жительства»⁴⁸.

Короля Николу не оставляла в покое мечта получить албанские земли, но, с другой стороны, он отдавал себе отчет в том, что из-за этой рискованной затеи он может лишиться расположения России и, как следствие, огромной субсидии. Поэтому 17 (30) ноября 1910 г. черногорский правитель пошел на подписание с Россией военного соглашения (военной конвенции)^{49*}, по которому

---

* Военная конвенция между Россией и Черногорией была подписана военным министром Черногории Иво Джуровичем [17(30) ноября 1910 г.] с одной стороны, и военным министром России В.А. Сухомлиновым [2(15) декабря 1910 г.] — с другой. Конвенция обязывала черногорское правительство предоставить в распоряжение России все вооруженные силы страны по первому призыву русского императора. Помимо этого, 7-я статья ограничивала право Черногории на вступление в военные действия без предварительного соглашения с российским правительством, а также на заключение военных договоров «без согласия его императорского величества». Целью было обеспечить невмешательство Черногории в военные конфликты, могущие нарушить *status quo* на Балканах. Так, черногорские вооруженные силы были *de jure* поставлены под верховное командование российского

денежная субсидия лишь на военные цели Черногории возросла с 331.000 до 1 600.000 руб. (т.е. в 5 раз!)⁵⁰.

2 декабря 1910 г. Никола доверительно сообщил русскому посланнику, что «в Албании и Старой Сербии готовится восстание, и ему вчера предлагали оттуда дать свое согласие на поднятие черногорского флага в Скутари и Ипеке, но король ответил отказом»⁵¹. К этому времени он уже был связан с Россией военным соглашением, 7-я статья которого запрещала Черногории вступать в военные конфликты без одобрения Петербурга⁵².

Несмотря на это, черногорская сторона продолжала попытки тайно поддерживать албанских вождей вплоть до начала Первой Балканской войны. Арсеньев постоянно следил за обстановкой и весной-летом 1911 г. неоднократно получал сведения о снабжении албанцев черногорским оружием и об участии черногорцев на стороне албанских повстанцев против турецких войск⁵³. Вплоть до окончания своей службы в Черногории дипломату приходилось постоянно заниматься урегулированием черногорско-турецкого конфликта, возникшего из-за поддержки черногорцами албанского освободительного движения⁵⁴, а также из-за укрытия на территории Королевства албанских вождей и нежелания выдавать их турецкой стороне⁵⁵. Лишь ультимативными угрозами России удалось удержать Черногорию от вооруженного конфликта с Османской империей.

Однако король Никола всё не мог успокоиться. Желая получить хоть какую-то выгоду от проведенной им работы, он разослал всем иностранным миссиям в Цетине, «будто бы только для сведения *счет убыткам* (! — *Н.С.-Б.*), которые понесли якобы черногорцы вследствие того, что Турция своими притеснениями албанцев принудила последних искать убежища в Черногории, а Черногорию — израсходовать на их продовольствие и на во-

---

императора. Однако de facto черногорский король пытался создавать конфликтные ситуации втайне от русского военного агента. Конвенция определяла также условия военной помощи, оказываемой Россией Черногории. Российское правительство пыталось поставить под контроль расходование субсидии. В сентябре 1912 г. Черногория нарушила свои обязательства, заключив союзные договоры с Сербией и Болгарией, вследствие чего Россия приостановила выдачу денег. См.: Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.—Подгорица, 2003; *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964.

енные приготовления». Счет этот составлял 5 млн крон (накануне рассылки счёта миссиям сумма эта достигала 9 млн крон, но когда один из дипломатов, увидев эту сумму, рассмеялся королю в лицо, тот сократил ее почти вдвое)⁵⁶. Однако данные притязания не имели успеха.

В заключение следует отметить, что новые материалы, привлеченные нами, весьма ценны тем, что позволили дополнить картину российско-черногорских отношений накануне Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны. В дипломатических документах нашли отражение важные события, происходившие в Черногории, ставшей в 1910 г. Королевством.

С.В. Арсеньев находился на своем посту недолго, всего два года. Но опытный дипломат, за плечами которого было уже 30 лет службы в разных государствах и на разных постах, он очень внимательно следил за обстановкой в стране пребывания, добросовестно вникал во все детали её политической и экономической жизни, изучал и оценивал все факторы её государственного развития.

Российский посланник являлся очень важным очевидцем происходивших в Черногории событий. Помимо информативной составляющей, его донесения в МИД ценны тем, что в них он высказывал, тонко и дипломатично, свое личное отношение к реальной ситуации и давал ей взвешенные, квалифицированные оценки, которые не могли игнорировать на Певческом мосту.

Однако критическое отношение С.В. Арсеньева к политике и действиям короля Николы и его окружения (албанский вопрос, нецелевое расходование русской субсидии и др.), нашедшее отражение в донесениях из Цетине, не имело последствий со стороны его мидовского начальства. И сколько бы русские дипломаты и военные специалисты не говорили и не писали в Петербург о злоупотреблениях черногорской элиты, бедственном положении народа, неподготовленности черногорского войска к будущим военным конфликтам и ненадежности короля Николы как союзника России, всё оставалось по-прежнему. Император Николай II, руководивший внешней политикой, следовал тому

курсу, который сложился в предыдущие царствования — помогать, поддерживать и укреплять всеми средствами отношения с Черногорией, оплотом, как считалось в Петербурге, русской политики на Балканах.

Примечания

- ¹ *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига XV — начало XIX в. М., Изд-во акад. наук СССР, 1958; *она же.* Россия и балканский вопрос : из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., Наука, 1972; *она же.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., Наука, 1980.
- ² К юбилею Ирины Степановны Достян // *Славяноведение.* 2005. N. 5. М., 2005. С. 119–120; *Виноградов В.Н.* Вступительное слово // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. (Отв. ред. К.В. Никифоров). М., 2010. С. 7–8; *Данченко С.И.* Ирина Степановна Достян. Портрет в «интерьере» Балкан // Там же. С. 9–61; *Никифоров К.В.* Три монографии И.С. Достян // Там же. С. 62–80; Ирина Степановна Достян: (Некролог) // Новая и новейшая история. 2012. N. 4. С. 217–218; Памяти Ирины Степановны Достян (1920–2012): (Некролог) // *Славяноведение.* 2012. N.3. С. 126–127.
- ³ В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010.
- ⁴ *Арсеньев В.С.* Род дворян Арсеньевых 1389–1901 г. М., 1901; https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a7_9.php.
- ⁵ Там же. С. 91–93.
- ⁶ <http://www.rmuseum.ru/data/authors/a/arsenyevsv.php>.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 340 (Личные фонды). Оп. 854 (Личный архив С.В. Арсеньева).
- ⁸ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. 1910–1916 г. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ⁹ Албанское восстание началось 4 (17) апреля 1910 г., что с опасением обсуждали в переписке управляющий министерством иностранных дел С.Д. Сазонов и поверенный в делах в Черногории Н.Н. Дьяченко. // Там же. Л. 2–5.
- ¹⁰ Рапорт Н.М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерениях Черногории присоединить Северо-западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения. 25 апреля (8 мая) 1910 г. № 495. Цетине // Н.М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма, 1902–1915 гг. (Сост. Н.И. Хитрова). М.—Подгорица, Sapus, 2003. С. 425.
- ¹¹ *Искендеров П.А.* Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914). М., 2017. С. 394–395.
- ¹² Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании. 6 (19) мая 1910 г. № 502. Цетине // Н.М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 437.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3 (Копии депеш в МИД С.В. Арсеньева, чрезвычайного посла и поверенного в Черногории с 29 марта 1910 г. по 7 июня 1912 г.). Л. 43–45. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 16 августа 1910 г. № 54); Там же. Л. 46–47. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 18 августа 1910 г. № 55); Там же. Л. 51–53. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 22 августа 1910 г. № 59); Там же. Л. 53–55. (С.В. Арсеньев

С.Д. Сазонову 27 августа 1910 г. № 60); Там же. Л. 56–57. (Речь его величества короля черногорского Николая I на обеде в честь его императорского высочества великого князя Николая Николаевича 22 августа 1910 г. [приложение к депеше]).

- 14 *Сухомлинов В.А.* Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
- 15 *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2009.
- 16 О них см. подробнее: *Струнина Н.Г.* Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России. М., 2011. С. 174–238; *она же.* Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2013. С. 36–42.
- 17 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 43.
- 18 Там же. Л. 51.
- 19 Там же. Л. 50.
- 20 Там же. Л. 57–58.
- 21 Там же. Л. 54.
- 22 Там же. Л. 55.
- 23 Там же. Л. 57–59.
- 24 Там же. Л. 55.
- 25 Справка Н.М. Потапова о необходимости денежных сумм на военные нужды Черногории на 1910–1912 гг. 4 (17) июля 1909 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 380–381.
- 26 Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанских территорий ввиду враждебности к ней большей части племен. 26 апреля (9 мая) 1910 г. № 497. Цетине // Там же. С. 426.
- 27 *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 571.
- 28 *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // Славяноведение. 1997. № 5. С. 42.
- 29 См. подробнее: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 53–54.
- 30 Министр иностранных дел Италии Томмазо Титтони (1855–1931) заявил по поводу Албании в итальянском парламенте 14 мая 1904 г.: «Албания сама по себе не имеет Бог весть какого значения; всё ее значение заключается в ее пристанях и побережье, привлечение которых в сторону Австрии или Италии означало бы неоспоримое преобладание одной из этих держав на Адриатическом море. Но этого, конечно, ни Австрия не может позволить Италии, ни Италия Австрии, и при стремлении одной из них к этой цели, другая была бы принуждена оказать ей сопротивление всеми возможными средствами». (см.: Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. СПб., 1913. С. 10). Соперничество Италии и Австро-Венгрии за балканские земли продолжилось и после Первой мировой войны. Известно, что Албания входила в состав Итальянской монархии с апреля 1939 по осень 1943 гг. // Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. С. 47–49; *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 143–145.
- 31 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. Пг., 1915. С. 51, 73.
- 32 Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанской территории ввиду враждебности к ней большей части племен. № 407. 26 апреля (9 мая) 1910 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 426.

- 33 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 64–66. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 21 сентября 1910 г. № 66); Там же. Л. 68. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 28 сентября 1910 г. № 81 [телеграмма]).
- 34 Суть прокламации сводилась к следующему: 1) беженцы будут судимы, так как они не повиновались правительству; 2) они должны повиноваться конституции и не поддаваться на провокации; 3) имущество тех, кто не вернется по истечении 10-дневного срока, будет конфисковано, а сами они будут подвергнуты военно-полевому суду; 4) земельные наделы беженцев будут сожжены; 5) если беженцы вернуться в течение 10 дней, даже если они являются зачинщиками, при условии, что будут доносить на других, они будут прощены // Там же. Л. 69–71. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 68).
- 35 Там же.
- 36 Там же. Л. 72. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 69).
- 37 Там же. Л. 71–74. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 69).
- 38 Там же. Л. 74–76. (Циркуляр господина Томановича, министра иностранных дел Черногории, главам Миссий, аккредитованных в Цетине от 4 (17) октября 1910 г. № 2198).
- 39 Там же. Л. 76–77. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 9 октября 1910 г. № 71).
- 40 Там же. Л. 79–80. (Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 18 октября 1910 г. № 90).
- 41 Там же. Л. 78. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 86).
- 42 Там же. Л. 77–78. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 12 октября 1910 г. № 84).
- 43 Там же. Л. 78–79. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 87).
- 44 Там же. Л. 80. (Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 72).
- 45 Там же. Л. 81.
- 46 Там же. Л. 84. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 30 октября 1910 г. № 91.[телеграмма]).
- 47 Там же. Л. 81–82. (Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 73).
- 48 Там же. Л. 90. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 13 ноября 1910 г. № 93).
- 49 *Располович Р.* Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // *Российская история.* 2009. № 2. С. 54–59.
- 50 Телеграмма Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о подписании соглашения между Россией и Черногорией и одобрение его королем Николаем. 17 (30) ноября 1910 г. № 562. Цетине // Н.М. Потапов... С. 476.
- 51 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 91. (Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 2 декабря 1910 г.).
- 52 Там же.
- 53 Там же. Л. 94–95. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 3 апреля 1911 г. №28); Л. 96. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 5 апреля 1911 г. №24); Л. 100. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 7 мая 1911 г. № 48).
- 54 Об этом см. подробнее: *Струнина-Бородина Н.Г.* Политика черногорского государства по отношению к Албании по донесениям русских дипломатов в Черногории (начало XX века) // *Независимость Албании в общебалканском контексте.* М., 2014. С. 213–234.
- 55 Там же. Л. 106–107. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 4 июня 1911 г. № 35).
- 56 Телеграмма Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о возможном обращении короля Николая к России с просьбой возместить убытки Черногории. 8 (21) августа 1911 г. № 674. Цетине // Н.М.Потапов... С. 518–519.